

20 МАЯ 1953

Газета №

НА СЦЕНЕ И В ЖИЗНИ

На сцене театра идет спектакль. Зрители с нарастающим интересом следят за развитием драматического действия. Многие из них подумают, а иные и скажут, обращаясь к соседу в партере: «Да, да, вот так оно и бывает в жизни».

... Ослепленные безрассудным увлечением, следуя на поводу у слепого чувства, люди забывают о своем высоком гражданском долге, начинают пренебрегать непреложными обязанностями отца или матери, дочери или сына, действуют в угоду эгоистическим соображениям. Только бы мы (я) были счастливы! — а после нас хоть потоп!..

Старая песня! Она досталась нам в наследство от буржуазного общества, основанного на звериной морали классового антагонизма. Советская наша действительность не терпит проявлений мелкобуржуазного индивидуализма и распущенности, осуждает и перевоспитывает носителей этих пережитков, очищает и выпрямляет их характеры. — Нет, — говорит она, — быт и семья, любовь и брак — это не только твое личное дело! Советская общественность кровно заинтересована в укреплении семьи, в очищении быта от проклятых пережитков прошлого.

Всеми доступными средствами художественного воплощения, всею

силю своего таланта актер на сцене убеждает нас в правоте и жизненности высоких принципов коммунистической морали, доходчиво пропагандирует положительный пример, беспощадно критикует пороки и недостатки. Посмотрев спектакль «Твое личное дело», сотни людей задумаются над своим «личным делом» и, несомненно, что думы эти будут благо- и плодотворны. В этом и состоит воспитательное назначение нашего реалистического искусства.

Но если нас, однажды посмотревших спектакль, образы его героев заставили глубоко задуматься, то что уж говорить о самих актерах! Они-то должны в кровь и в плоть впитать передовые идеи, которые пропагандирует советское искусство, театр в частности. Ведь их призвание так высоко, так благородно! Советскому театру глубоко чужды формализм и условность буржуазного искусства; на сцене и в жизни советский артист выступает поборником коммунистической нравственности и морали.

Однако ж, как говорится, и в театральной семье не без уroda. Уродливые явления, пережитки мещанской психологии в морали особенно прочно укореняются там, где с ними не ведут борьбы, где затхлая атмосфера «взаимо-

прощения» и примиренчества не продувается свежим, очистительным ветерком критики и самокритики.

Исполнив роль «неродного сына» в спектакле «Твое личное дело», артист Златоустовского городского театра Александр Лузгин заявляет своей молодой жене Наде: — Уходи! Ты мне надоела. Я увлечен другой.

Всего лишь полгода назад они вступили в законный брак по любви. Родители радовались счастьем своих детей, друзья поздравляли. Но счастье оказалось очень непрочным: благие намерения «семьянина» Лузгина развеялись тотчас же, как только он узнал, что жена беременна. Начал пить, открыто изменять жене — то с кассиршей С., то с гардеробщицей Т. — есть в коллективе работников театра такие «завлекающие» личности.

Глупо, преступно разрушать семью, нельзя с этим мириться. Нет, за семью нужно драться! Честная работница, готовящаяся стать матерью, Н. Лузгина решает воздействовать на сбившегося с правильного пути мужа через коллектив. Верное решение! А. Лузгин — коммунист, и она обращается с жалобой к зам. секретаря парторганизации театра режиссеру т. Руднику. Ей обе-

щают «поставить вопрос», «обсудить» и т. п., но ничего не делают. Увы! В коллективе городского театра подобные вопросы не принято выносить на суд общественности.

Тогда Н. Лузгина обращается к директору театра коммунисту т. Черкесову.

— А что я могу сделать? — разводит тот руками. — Это же его личное дело.

Когда же молодая женщина сказала, что вот и ее отец, старый рабочий, коммунист, строго осуждает поведение Александра Лузгина и примиренческое отношение руководства театра к подобным фактам, — т. Черкесов высокомерно и безапелляционно заявил:

— Твой отец — обыватель!

Ну, да, как же: кадровый стажановец, партийный активист, примерный семьянин — «обыватель», ибо он полагает (подумайте только — какой ужас!), что жениться следует только один раз, а женившись, быть верным супругом и отцом.

Другое дело — сам т. Черкесов. За девять лет пребывания в Златоустовском театре он успел сменить несколько жен. Нынешняя жена его — артистка Орловская тоже бросила свою семью. Или, например, главный режиссер А. М. Августов (тоже — коммунист) — где-то и у него есть семья, но он, несмотря на свои 74 года, вступил в незаконное сожительство с молодой артисткой Якушенко.

В этом-то все и дело! Носители обывательщины, гнусной мелкобуржуазной распущенности не могут, конечно, осудить «невинное увлечение» артиста Лузгина, секретаря комсомольской организации, развалившего, к стати сказать, всю комсомольскую работу.

Но ведь есть же в театре партийная организация! Чего же она смотрит? Почему мирится с такими вопиющими нарушениями уставных обязанностей коммунистами? Почему бы не поставить на партийном собрании — да на открытом! — вопроса — как коммунисты выполняют требования Устава КПСС — закона партийной жизни? С этим вопросом мы и обратились к секретарю парторганизации т. Нерадову.

— Люди у нас сведущие, читающие, изучающие. Считаю излишним ставить такой вопрос, — убежденно ответил секретарь.

... В парторганизации, как и вообще в коллективе театра, установилась порочная традиция взаимопрощения и самозывания недостатков. Критика и самокритика, если и практикуются иногда, то лишь с обязательным соблюдением обывательских правил: во-первых, критиковать, взвизывая на лица, во-вторых, не выносить сора из избы.

А мы решили вынести этот прогнивший мусор из театральной избы. Вынести и вымести. Давно пора это сделать!

В. МАРКЕЛОВ.